

An aerial night view of a city, likely Moscow, featuring several prominent skyscrapers with illuminated windows and red lights on their roofs. The city lights create a vibrant blue and white glow against the dark sky.

Анастасия Атаян

УЗНИКИ ПТИЧЬЕЙ
БАШНИ

Анастасия Атаян
Узники Птичьей башни

«Издательские решения»

Атаян А.

Узники Птичьей башни / А. Атаян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960332-6

«Узники Птичьей башни» — роман о той Японии, куда простому туристу не попасть. Один день из жизни большой японской корпорации глазами иностранки. Кира живёт и работает в Японии. Каждое утро она едет в Синдзюку, деловой район Токио, где высятся скалы из стекла и бетона. Кира признаётся, через что ей довелось пройти в Птичьей башне, развенчивает миф за мифом и делится ошеломляющими открытиями. Примет ли героиня чужие правила игры или останется верной себе? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-960332-6

© Атаян А.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Под стук колёс	7
Глава 2. Исповедь	19
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Узники Птичьей башни

Анастасия Атаян

*Посвящается Человеку-Соловью,
моему единственному другу в Птичьей башне, а также всем тем,
кто никогда не хотел стать салариманом,
но вынужден был им стать.*

© Анастасия Атаян, 2018

ISBN 978-5-4496-0332-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

* Салариман (от англ. salaryman) – человек, живущий на зарплату. В Японии термин используется для обозначения работников нефизического труда, как правило, сотрудников больших корпораций.

** Основано на нереальных событиях. Любое сходство с настоящими салариманами, живыми или умершими, – чистая случайность. Особенно с громилой-Сайто и «заполярной стерлядь» Ириной, ведь подозрительно похожие на них офисные воины стойчески протирают кресла почти в каждом токийском небоскрёбе.

Предисловие

*«Главное в жизни определиться,
Где твоё место и что ты за птица.»
Ленинград, «Менеджер»*

Добро пожаловать в Птичью башню, небоскрёб в западном Синдзюку. Западный Синдзюку – деловой район в Токио, где высятся стекло-бетонные скалы. Об эти скалы разбилась не одна свободная птица. Западный Синдзюку – место, где принято много работать и мало мечтать, вернее вообще не мечтать, потому что мечтать и летать свободно гораздо сложнее, чем клевать зёрна, которые птицеводы стабильно, раз в месяц, насыпают в кормушку.

Это история не о птицах. Это история о людях. О таких же людях, как мы с вами. О людях, которые некогда мечтали свободно парить, но не справились с сильным встречным ветром.

Он был Человеком-Соловьём, хотя многие считали его обычным зариманом. А какая вы птица? Вы летаете высоко или томитесь в неволе, на птицефабрике?

Это роман о несвободе, о несвободе, в которую мы, вольные птицы, сами себя загоняем.

Можно ли разрубить цепи, можно ли снова расправить крылья? Значит ли это сдаться? Значит ли это победить?

Глава 1. Под стук колёс

Утром в электричке было не протолкнуться. Толпа рьяных японских тружеников вносила и выносила меня из вагона на каждой станции. На очередном перегоне я обнаружила себя повисшей в воздухе и зажатой со всех сторон плечами, грудаками и спинами суровых японских дядек в рубашках белых, серых и полосатых.

К перегруженным поездам я не привыкла. Станционные смотрители в белоснежных перчатках, утрамбовывающие сонных пассажиров в вагоны, на станции Нумабукуро не водятся. Частная ветка Сэйбу¹, станция небольшая и от центра недалёкая – никакой давки, никакой суеты. Здесь останавливаются лишь жёлтые неуклюжие местные электрички, а серебристые пули-экспрессы проносятся мимо, задирая юбки стоящим на пероне барышням и оголяя их белые ноги.

Только с трудом забравшись в вагон, уперевшись рукой о каркас двери и отжимаясь от створок, чтобы вдавиться в толпу товарищей по несчастью, я поймала себя на мысли, что электричка не цвета разваренного желтка, – в нашем захолустье с какого-то перепугу остановился экспресс.

Люди потели и кряхтели, а в наушниках играла песня «Забери меня домой» группы «Бэйсмэнт Джэкс»². Объявления по громкоговорителю тонули в припеве:

*«Я просто хочу отсюда сбежать, хватит с меня,
Хватай пальто, забери меня, забери меня.»*

Последнее время моё утро начинается с песен-протестов. Вчера, например, я слушала «Сдалось нам ваше образование» Эрика Прайдза³. Я не хочу становиться очередным кирпичом в стене, но судя по тому, как плотно сомкнулись ряды трудоголиков в утренней электричке, меня уже со всех сторон измазали вязким бетоном капитализма.

Признаюсь, я застряла во времени, но всё же лучше начинать утро с «Бэйсмэнт Джэкс», Эрика Прайдза и прочего популярного лет десять назад музона, чем утро не начинать вовсе.

«В борьбе против стресса важен комплексный подход. Если всё время пользоваться лишь одним методом, возникнет привыкание и способ перестанет действовать», – поучала брошюрка, которую мне выдали в первый рабочий день на ориентации для новобранцев. И правда, есть разные способы справляться с рабочим стрессом. Кто-то жрёт пачками транквилизаторы. Кто-то ищет утешение на доньшке бокала. Некоторые страдальцы плетут на работе интрижки, чтобы подбросить поленьев в потухший костерок офисных страстей. Одно другому не мешает: бытовой алкоголизм и адюльтер сочетаются неплохо, пусть порой и вызывают кучу побочных эффектов: посаженную печень, минус на кредитке, букет венерических заболеваний, а то и вовсе раздел имущества.

Меня обычно спасает йога. Если после стойки на голове всё так же хочется убиться головой о стену, как и до неё, я понимаю, что дело плохо, и звоню другу, которому можно встать нажаловаться на заговор империалистов за бокалом-другим. Платон уже посидел на таблетках, пообщался с терапевтом, перебравал разные виды медитации, поколотил грушу, поупражнялся в восточных единоборствах, несколько раз сходил в запой и вернулся.

¹ В Японии есть как государственные, так и частные железные дороги.

² Basement Jaxx, *Take me back to your house*

³ Eric Prydz, *Proper Education*

Неделю назад мы сидели с Платоном за стойкой маленького бара на станции Арайяку-симаэ⁴, рядом с железнодорожными путями. Стаканы бодро звенели, приветствуя и провожая электрички. Как и его древнегреческий тёзка, Платон любил философские беседы.

– А вообще, покончить с собой это тоже выбор, – выдал Платон после потока критики в адрес тирана-начальника, деспота Путина и чудовища Трампа. На его лице в тот момент зависла тёплая, благодатная улыбка. Он подпёр подбородок одной рукой, а другой поглаживал запотевшую кружку.

Я знаю, что Платона не раз посещала мысль о суициде, но будь он на грани, он бы молчал как рыба и не пил бы со мной.

Каждое утро Платон делал выбор. Выбор жить. Каждое утро выбор делала я.

– Покончить с собой ты всегда успеешь, – говорила я себе в те дни, когда было совсем невмоготу.

Я рыдала, заглывала горстку успокоительного и плелась на станцию. Я смотрела, как подъезжает поезд. От вечного покоя меня отделял всего один шаг. Я представляла, как хрустнет кость, как на мгновение каждую клеточку тела пронзит невыносимая боль, как рельсы обогрятся кровью, как глаза застелет тьма и наступит конец, конец всем мучениям.

Были дни, когда лишь корзина для стирки, оставшаяся в квартире и набитая доверху, не давала мне поставить жирную точку во всём этом безобразии под названием зариманская жизнь. Я вспоминала «Одинокого мужчину»⁵, профессора английского в исполнении Колина Фёрта, – он готовился спустить курок с дотошностью японского бюрократа. Я убеждала себя в том, что уходить надо красиво. Мне бы не хотелось, чтобы кто-то рылся в моём грязном белье, в моей мусорной корзине, хмыкал при виде затаившегося под кроватью носка, пожимал плечами, обнаружив в углу клочок волос или комочек сбившейся пыли. Мне становилось не по себе при мысли, что в комнату войдут девочки из агентства недвижимости и начнут собирать мои жалкие пожитки по коробкам. Могло быть, правда, ещё хуже. Реши они ждать приезда моих родителей, в квартире началась бы битва между армией голодных тараканов и отрядом клещей сапрофитов.

Были, правда, и такие дни, когда я плевать хотела на бельевую корзину, на флешки с фотографиями и дневниковые записи. Я шла на работу, как в тумане, думая о том, как продержаться хотя бы до обеда, после обеда – до вечера, а затем – до утра.

– Просто ляг спать. Просто лежи. Глубокий вдох. Глубокий выдох. Полное йоговское дыхание.

Иногда меня отпускало, и тогда накатывало безумное желание жить, проживать каждый день, как последний. Я шла по улице, я пялилась на зелень, на капли дождя, отскакивающие от луж, словно прыгуны на багутах, – цвета казались мне невероятно яркими после заточения в серой башне, окружённой невзрачными махинами из стекла и бетона. Мне хотелось сидеть на улице часами: на траве, на скамейках в парке, на террасах кафе. Я могла по полдня слоняться по городу без дела, проходить десяток километров без какого-либо определённого пункта назначения в голове. Я наматывала круги по Токио, подставляя лицо ласковому солнцу. Ветер раздувал футболку и развевал волосы.

На выходных я жила, а в будние дни доживала. В понедельник, отскребая себя от кровати, я чувствовала, как меня сдавливают тиски бессилия и апатии. Мне предстояло пять беспросветных дней на работе, где ко мне относились не сильно лучше, чем, в своё время, к чумазым рабочим – надзиратели крупных мануфактур, нещадно лупившие розгами замешкавшихся трудяг, а затем бросавшие им пару заплесневелых сухарей, лишь бы те не протянули ноги до конца смены.

⁴ Станция на линии Сэйбу, в районе Накано (Токио)

⁵ Фильм «Одинокий мужчина» (2009)

На выходе со станции я брала кофе и заходила в курилку, набитую другими несчастными белорубашечниками. Курение в рабочие часы позволялось лишь менеджерью. Почему-то считалось, что когда курят пузатые дядьки с золотым значком на лацкане⁶, они работают, а когда к пачке тянется планктон со значком серебряным, совершается акт чудовищного и непростибельного отлынивания от обязанностей. Мне предстояло провести четыре часа без сигарет до обеда и ещё с пятки после.

Я неспешно курила и смотрела вокруг. На торговом центре через дорогу висел большой экран: крутили последние хиты японской эстрады. Я ставила громкость в наушниках на максимум, чтобы перекрыть вопли раздетых в розовые платья девчонок, дрыгающихся в немислимых танцах, и визги увешанных цепями рокеров, трясущих залаченным хаиром что есть мочи.

Я почти никогда не смотрела на экран. Я либо пялилась в телефон, либо подглядывала за Человеком-Воробьём. Человека-Воробья я видела почти каждый день, а иногда и по несколько раз на дню. Человек-Воробей всегда стоял чуть поодаль от других дымящих клерков.

У нас с Человеком-Воробьём было много общего. Во-первых, мы работали на одной Птицефабрике – так я называла нашу компанию – с той лишь разницей, что мой отдел располагался на уровне шеи бетонной махины, а отдел Человека-Воробья – в районе её желудка.

Во-вторых, мы жили на одной ветке, только я была пассажиркой поезда жёлтого, а он – экспресса.

В-третьих, мы оба курили сигареты с ментолом: он – толстые «Мальборо ультра-лайт», а я – тонкие «Вог». Иногда я, правда, переходила на «Мальборо», которые курил Человек-Воробей, пусть никотина в них было на два миллиграмма меньше.

Наконец, он, как и я, каждый день ходил на работу в одном и том же: в чёрном костюме и белой рубашке. На ногах блестели чёрные кожаные туфли. Такие носили и в 80-х, и в 90-х, и в нулевых. Человек-Воробей не следил за модой, как другие мужчины в курилке, выбравшие приталенные пиджаки необычных оттенков синего или серого, галстуки с лёгкой безуминкой, остроносые туфли, укороченные брючки и проводившие перед зеркалом по добрых полчаса каждое утро, пытаясь воспроизвести на голове образ с рекламного плаката. В отличие от этих павлинов и петухов, он был серым, нахохлившимся и неприметным. Человека-Воробья можно было легко потерять из виду в толпе, если бы не сумка цвета сибирского заката, которую он носил через плечо. Каждый день я смотрела на эту сумку и ломала голову, почему Человек-Воробей отдал предпочтение портфельчику, с которым легко можно было представить студента-компьютерщика, но никак не служащего большой компании. Эта сумка не претендовала на звание главного тренда офисной моды 2017 года. Это была обычная переноска для лэптопа, на вид далеко не самой приятной на ощупь фактуры и к тому же вычурного цвета.

Я не уставала строить догадки, как кровавая сумка стала постоянной спутницей Человека-Воробья. Либо он нашёл её под дверью, как бездомного слепого котенка, и не смог пройти мимо – Человек-Воробей казался мне пусть и глубоко несчастным, но очень добрым, либо кто-то близкий подарил её ему на Новый год.

Подружка или жена? Он не носил кольцо на безымянном пальце, но это не облегчало задачу. Некоторые клерки из моего отдела прятали обручальные кольца в карман пиджака, приступая к охоте на молоденьких и наивных сотрудниц. Поначалу я была уверена, что у Человека-Воробья личная жизнь сложилась куда лучше, чем у меня, ведь он вечно набирал кому-то сообщения, мило улыбаясь, но позже версию сердечной подруги я отмела. Иногда я видела, как Человек-Воробей, выйдя из поезда, покупал в киоске булку и жевал её на ходу с таким аппетитом, что мне тоже хотелось остановиться у палатки и закинуться чем-нибудь вредным.

⁶ Работники больших японских корпораций обязаны носить на лацкане значок с эмблемой своей компании. Бывает, что у рядовых сотрудников и руководителей разные значки.

Если бы у Человека-Воробья была жена, она бы кормила его плотным традиционным завтраком, готовила бы ему с собой бэнто⁷ и встречала с работы накрытым столом, уставленным дюжиной маленьких плосечек и тарелочек.

Вряд ли Человек-Воробей каждый вечер пировал. Он был очень худым и явно недоедал, да и никакого сухого пайка он с собой не носил. Он проводил обеденный перерыв, сидя на жёрдочке и уткнувшись в телефон. В атриуме нашего небоскрёба, вдоль высоких панорамных окон, были вытянуты железные трубы, куда можно было присесть или поставить сумки. Человек-Воробей мог высидеть на них минут сорок, практически не меняя положения – иногда он расправлял «крылья» и потягивался, но его ноги-палочки будто вращались в металлические ветки. Человек-Воробей не обедал, он питался лишь эсэмэсками, сигаретами и утренней булкой за сто иен⁸, а может, он просто был сыт по горло беспросветной салариманской жизнью.

Сердце сжималось, когда я проходила мимо, – казалось, во всем Токио не было никого, кто заботился бы о Человеке-Воробье. Я решила, что сумку ему подарила бабушка. Она живёт где-нибудь в горах, в Нагано, в доме с соломенной крышей, ведёт домашнее хозяйство и изредка балует внука посылками. Красную сумку бабушка посчитала вещью современной и ультрамодной по меркам альпийской деревни. Сумка напоминает Человеку-Воробью о беззаботном детстве, когда он мог целыми днями резвиться в густой траве, ловить стрекоз и запускать бумажных змеев.

Хотя, кто знает, возможно, он выбрал сумку сам, чтобы дать бой навязанной дресс-кодом серости. Алая сумка была криком души, рвавшимся из чрева Человека-Воробья, манифестом против диктата боссов, знаменем, которое он гордо проносил от дома до Птичьей башни, а затем бережно снимал с плеча и с сожалением запирали в шкафчик.

Когда Человек-Воробей шёл на обед, он брал красную сумку с собой, хотя никакой необходимости в этом не было: он ничего не покупал, он лишь сидел на железных ветках, будто боялся спуститься в холл без сумки и смешаться с толпой других птиц с подрезанными крыльями.

Красная сумка была не единственным протестом Человека-Воробья против системы. Человек-Воробей, как и я, не признавал чехлы для телефонов и не заворачивал айфон в убогий пластик. Ему тоже нравилось прикасаться к металлу и осязать прохладную гладкую поверхность. Туго запеленованные процедурами и протоколами, мы хотели позволить хотя бы своим айфонам дышать свободно.

Кому-то не удавалось даже это. Однажды Платон позвал меня печь овсяное печенье на ночь глядя – у него была духовка, редкая редкость и небывалая роскошь для жителей островов. Она напоминала ему о тех далёких днях, когда он мог не работать, а жить на дивиденды с акций, доставшихся от родителей. Платон любил готовить, причём не модные блюда, рецептами которых наспиговывают гляцевые журналы, а обычную домашнюю еду. Его не привлекали киш лорены, пасты с каракатицей, салаты с киноа и козьим сыром – ему нравилось упражняться в приготовлении пищи простой и лишённой изысков.

Я зашла на кухню, когда он доставал из шкафчиков миски и венчики. Платон широко улыбнулся и кивнул на телефон.

– Выбери музыку и подключи колонки, – бросил он мне и продолжил увлечённо раскладывать инвентарь.

Я взяла в руку айфон и решила начать с Александра Делла. Что-то было не так.

– Ты купил чехол?

– Со льдом, с содовой или чистяком? – Платон поставил передо мной неоткупоренную бутылку вина, а перед собой баклашку японского бренди.

⁷ Коробочка с едой

⁸ Около 50 рублей

– Кинь пару льдышек, – ответила я, рассматривая чехол. Платон, как и мы с Человеком-Воробьём, никогда раньше не принаряжал айфон.

– Я становлюсь человеком в футляре, – он грустно усмехнулся, сделал глоток бренди и поморщился. – Мой начальник, этот педантичный маразматик – мне приходится играть с ним в гольф каждую вторую субботу месяца – считает, что без чехла айфон быстро потеряет товарный вид. Тот, кто посмел довести телефон до плачевного состояния, будь-то царапина от ключей или разбитый вдребезги экран, достоин осмеяния, порицания, если уж и не публичной казни на виду у всего отдела. Никто не захочет иметь дела с позорищем, чей айфон покрыт шрамами неаккуратности, халатности и безответственности. Ясно?

– И что, после того разговора, ты сгонял, как миленький, в ближайшую «Биккамеру»⁹ и купил чехол?

– Бежать мне куда не пришлось. Как только институтский друг Кикимуры обратил внимание на мой покоцанный смартфон – чёрт дёрнул меня щёлкнуть селфи на зеленых лугах Ибараки¹⁰ – Кикимура не выдержал и сам сгонял в «Биккамеру», а затем торжественно вручил мне презент на утреннем собрании. Перед всем отделом. Будто в пионеры посвятил.

– Овации сорвал? – терпкий шираз смочил горло в тот самый момент, когда в колонках заиграл саундтрек к «Девушке из Дании», а мы перенеслись в Копенгаген начала 20 века, где жил человек, у которого, в отличие от нас, кишка была не тонка, чтобы плыть против течения. – И ты теперь будешь всё время зафутляренным ходить?

– А что мне остаётся?

– Варианта есть как минимум два: засунуть своё мнение в жопу и принять подарок или засунуть чехол в жопу Кикимуры, – Я начала растирать муку по столу, меня это успокаивало.

– Моя жопа почти порвалась от бессчётного множества собственных мнений, которые я в неё запихивал на протяжении последних месяцев, но, как ты знаешь, нищие не выбирают.

– Знаю не понаслышке, – я убрала с плеча прядь волос. Прядь поседела – пальцы были в муке.

– Чехол – это ведь не страшнее, чем перекрашивать волосы в чёрный?

Полтора года назад, когда я только готовилась к началу трудовых будней на Птицефабрике, меня заставили покрасить волосы. На одной из стажировок для будущих сотрудников главный орнитолог Птичьей башни устроил тщательный отсев негодных пташек. Селекция проводилась на основе ряда параметров: способности к коллективному чириканью (тим-вёрк), желанию принести в корзинку Птицефабрики как можно больше золотых яиц (лидерские качества и амбициозность), способности отличать камни от зёрнышек (общей сообразительности), усидчивости, и, что самое важное, внешним параметрам.

Все птички должны были быть одного цвета. Цыплята старались изо всех сил, спуская деньги заботливых мам-наседок в центральном маскарадном универмаге города и его филиалах по всей стране – сети «Аоки»¹¹. В этой мекке пингвиньей моды маленькие птенцы приносили на алтарь мнимого салариманского блаженства свою индивидуальность и, подогнав по фигурке чёрный костюм, белую рубашку, выбрав чёрные туфли и чёрную сумку, превращались в клонов друг друга. Толпа молоденьких выпускников напоминала армию пингвинов-зомби, готовившихся превратить яркий неоновый Токио в хакслиевский дивный новый мир. Были, однако, и такие, кому требовалось отдельное пояснение жёстких корпоративных правил. Пришедшие на кастинг в неподходящем оперении, они были вынуждены цвет оперения поменять. Серые пиджаки, синие брюки, зелёные сумки и коричневые туфли кадравики

⁹ Крупный сетевой магазин электроники

¹⁰ Соседняя с Токио префектура

¹¹ Крупный сетевой магазин офисной одежды, где покупают свои первые костюмы выпускники и выпускницы японских ВУЗов

приказали запереть в дальний угол шкафа (а лучше сжечь) и никогда не проносить за ворота Птицефабрики под страхом быть обезглавленным, то есть уволенным. Не зря японцы используют просторечное выражение «получить по шее» и жест, подозрительно напоминающий «мне кирдык», когда говорят о потере работы.

Кирдык грозил не только любителям экстравагантных блузок (все блузки и рубашки, кроме самой обычной белой хлопковой рубашки с самыми обычными белыми пуговицами считались неподходящими для работы), но и тем, кто посмел покрасить пёрышки и выбиться из ряда идентичных иссиня-чёрных голов.

Птенцам-конформистам, фанатичным последователям культа одной гребёнки, доставляло особое удовольствие самоутверждаться за счёт птенцов, на них непохожих, ведь так они могли лишний раз подчеркнуть комплиментарность друг с другом и с системой. Казалось, дай им циркуль, и они измерят объём твоей черепной коробки, повторяя печальный опыт нацистов.

На одной из стажировок в головном офисе, за несколько месяцев до начала работы, всех, прошедших первичный отбор, обязали разбиться в стайки по трое и с пристрастием проверить внешний вид друг друга.

– У него носки бордовые! – сдавали нарушителя в одной группе. – А у того причёска слишком моднявая, то ли гелем, то ли воском вымазался!

– А у него визитница из металла, а не из кожи!

– Часы у неё брендовые, надо снять. А у него из пластика, спортивные! Срочно снять!

– А ногти не длинноваты? По нормативам положено не длиннее двух миллиметров от окончания пальца, а тут три с половиной почти!

– У неё волос на пиджаке! Надо носить с собой щётку для одежды! Нельзя быть неряхой!

– Щёки слишком румяные! А у неё вообще не румяные! Нормативы предписывают иметь здоровый румянец!

– Губы слишком яркие! Почему вообще без помады? Где твоя помада, написано же, что должна быть бледно-розовая помада?

Я смотрела вокруг, слушая разномастное кудахтанье, и с ужасом ожидала своей экзекуции. Девочки решили препарировать меня с особым вкусом, словно экзотическую лягушку. Они внимательно осмотрели мой костюм и мои руки, задерживая внимание на каждом ногте. Они просканировали каждую клеточку моего тела двумя парами внимательных чёрных глаз. От напряжения у меня закружилась голова, я молилась лишь о том, чтобы румянец на щеках не стал чересчур ярким, а капли холодного пота на лбу – заметными окружающим.

– А ресницы у тебя свои или нарощенные? – спросила, наконец, серьёзная девочка с выбитым на бейдже именем Ханako.

– Свои, – ответила я.

– Точно? Не длинноваты? – выдала она с довольной гримасой.

– Точно свои, – я начала опасаться, что меня заставят подстричь ресницы, а то и вовсе их спалить, желательно ещё и вместе с бровями, чтобы наверняка.

– А волосы свои?

Я задумалась. Ханako было легко, она, как и все японцы, родились с волосами чёрными, а я, единственная бледнолицая иностранка из четырёх сот человек, что наняла моя компания в тот год, давно забыла какой мой цвет. Я красила волосы со средней школы в разные оттенки от медного до орехового, от шоколадного до кофейного и не взяла бы на себя смелость однозначно утверждать, какими на самом деле они были. Мой нынешний цвет не сильно отличался от моего родного – лишь тоном, но каким в точности был мой родной цвет, я не знала.

Увидев моё замешательство, курица Ханako ехидно улыбнулась и прокудахтала что есть мочи:

– Это не её настоящий цвет!

На вопль слетелись коршуны-селекционеры:

– Это твой родной цвет?

– Нет, но... – начала было я.

– До следующей стажировки покрась в чёрный, – прошипела главная кадровичка.

– Но...

– Никаких но, – твёрдо сказала она, – не покрасишь, можешь больше сюда не приходиться.

Мне стало дурно. Ханакэ была довольна собой, а я поняла, что капли пота, поползшие теперь уже по спине, не самое страшное, что могло со мной случиться.

Несмотря на протесты друзей, волосы я покрасила. Кадровики были счастливы – я продемонстрировала исполнительность сто-пятьсотого уровня, покладистость и готовность не ставить приказы под сомнение, какими бы абсурдными они ни были. Чёрные волосы придавливали меня к земле. Чёрные волосы душили меня, словно змеи, и превращали каждое свидание с зеркалом в траурную панихиду.

Платон стал одним из первых, кто увидел меня после преобразования. Холодным декабрьским вечером я цокала по узеньким улочкам Накано¹², кутая голову в шарф и хлопая длинными ресницами, как грустная пони, – ресницы мне разрешили оставить. Белая рубашка, чёрный пиджак, чёрное пальто, чёрные туфли, чёрная сумка в трясущейся от холода руке, гладкие чёрные волосы, стянутые в хвостик чёрной резинкой, – одна лапка новообращённого пингвина-зомби глубоко увязла в чёрной жиже корпоративного рабства.

Платон закатил вечеринку. Все были навеселе. Лишь я, припозднившаяся, замёрзшая и уставшая, была трезва, как стекло, и печальна, как вдова пристреленного вражеским кланом мафиози.

– Ну наконец-то! – крикнул Платон из гостиной и, потрясая бокалом чего-то шипучего, вышел в прихожую. – Как семинар? Боже, что ты с собой сделала? Хэллуин был месяц назад!

Платон смотрел на меня во все глаза. Казалось, он в момент протрезвел.

– Совсем ужасно, да? – я выдернула стакан у него из руки и сделала пару глотков. Водка с содовой. Я невольно поморщилась. По телу разлилась горькая, сорокаградусная ностальгия по Родине, где для работодателей значение имел не цвет головы, а её функциональность.

Платон молча рассматривал мою уродливую белую рубашку – я сняла пальто и стояла перед ним во всей красе. Никто из друзей ещё не видел меня в таком виде – в виде унылого офисного раба.

В колонках заиграла песня Сэма Смита, протяжная, зауспокойная, из только что вышедшего на экраны нового Бонда¹³. Я чувствовала, что жизнь проходит мимо меня, как молодость мимо Дэниэла Крейга. Я, наконец, начала понимать, куда попала. Зябким декабрьским вечером двухлетней давности до меня дошло, что обтягивающие платья, рваные джинсы, высокие каблуки, алая помада и лак для ногтей цвета мокрого асфальта больше никогда не будут со мной, как не будет вновь гладкой и упругой шея Моника Беллуччи.

– Пойду-ка я переоденусь.

– Давай, а я пока тебе чего-нибудь налью.

Я стояла в ванной перед зеркалом. Чёрные волосы. Белая рубашка. Чёрный пиджак. Я выглядела никак не на миллион долларов, я выглядела точь-в-точь на ту зарплату, что мне пообещали накануне. Я могла смешаться с толпой – со спины меня было не отличить от сотен и тысяч других девочек, готовившихся к апрельскому трудовому призыву. Я стала невидимой. Я стянула с себя рубашку – под ней скрывался допотопный бежевый лифчик из «Юникло», безликий и бесхарактерный.

«А это Кира в лифчике из „Юникло“, ходячий ответ на вопрос, почему всё меньше японок, работающих в офисах, выходят замуж, – прошептало зеркало. – Современные труже-

¹² Район в Токио

¹³ Sam Smith, *Writing's On The Wall*. Фильм «007: Спектр» (2015)

ницы лишены возможности носить бельё яркое, бельё кружевное, бельё игривое, ведь оно так и норовит высунуться из-под строгой белой рубашки. Современные труженицы должны думать только о работе. Становясь труженицей большой японской компании, Кира, ты добровольно подписываешь себе приговор больше никогда не надевать красивое бельё в будни, а также в те субботы и воскресенья, коих, кстати, будет немало, когда тебе придётся выходить на работу».

Я скинула лифчик на пол, где уже валялась скучная рубашка из того же «Юникло», бросила в грудку тряпья мерзкие телесные колготки, монашескую юбку и осталась в одних трусах. Было ужасно холодно¹⁴ – кожа покрылась мурашками, изо рта шёл пар. Я выудила со дна сумки платье и надела его на дрожащее тело. Провела по губам помадой цвета малины. Стало легче. Я почувствовала, что я это снова я, пусть и с чёрными волосами.

– Кира, намажь маслом противень, пожалуйста, – бодрый голос Платона вывел меня из спирали рефлексии, как поющая чаша, завершающая сеанс шавасаны.

Я отодвинула зачехлёныша на край стола и пошла мыть руки. Платон смешал в миске овсяные хлопья, муку, орешки и что-то ещё – рецепт он не раскрывал. Я нужна была лишь для компании – готовить одному ему было скучно.

Я смотрела, как Платон выкладывает комки теста на противень. Неровные, объёмные, словно плотные и размашистые мазки масляной краски по холсту импрессиониста – в них не было гармонии, в них не было симметрии, им была чужда иерархия – и в этом таилась их красота. Платон не использовал формочки, он позволял тесту разливаться по противню, местами пригорать, а местами не пропекаться. Домашние печенюшки нравились ему своей непосредственностью, своей непохожестью друг на друга. Они были настоящими, в отличие от меня, скучной конвейерной коврижки, неотличимой от тысяч других.

Вагон выплюнул меня на конечной станции. Было жарко, душно и влажно – июнь, сезон дождей. Вереница мужчин и женщин семенила к турникетам. Кто-то едва полз, еле переставляя ноги и явно не спеша на работу, кто-то, напротив, распахивал толпу и, крепко прижав к груди портфель, мчался к выходу, боясь получить нагоняй за опоздание.

Я не тормозила. Как гоночное авто, я обгоняла замешкавшихся попутчиков, чтобы выкурить предрабочую сигаретку в компании Человека-Воробья.

Хмурое небо роняло скупые слезы на прозрачные зонты и чёрные головы, капли дождя смешивались с каплями пота. Уперевшись головой в основание зонтичного купола, я подошла к сигарете и затянулась. Четыреста сорок девятый день моего заточения в Птичьей башне, как и первый, начинался с привкуса табака и ментола. В этот раз с Человеком-Воробьём мы разминулись.

Бросив бычок в урну, я сделала глубокий вдох, включила «Экстаз золота» Морриконе и под бодрый аккомпанемент оркестра зашагала в офис.

Впереди меня через лужи прыгала одна нога, обутая в чёрный ботинок, в довесок к которой прилагалась нога в гипсе и пара костылей. Сквозь прозрачные своды зонта я видела, что нога в гипсе принадлежала мужчине средних лет, одетому в тёмно-серый костюм. Он умудрялся не только виртуозно преодолевать водяные преграды, но ещё и держать в одной руке зонт и рабочую папку, демонстрируя чудеса акробатики, доступные лишь ветеранам офисного рабства.

На токийских птицефабриках не гнушались мяском птичек покалеченных, больных, хромых или старых. Производство было во всех смыслах безотходным: до тех пор, пока птичка не пала замертво, её можно было так или иначе эксплуатировать.

Перелом ноги считался основанием недостаточным, чтобы пропустить рабочий день, да и прикованные к инвалидной коляске дядьки в костюмах были нередким явлением для улиц

¹⁴ В японских квартирах (за исключением регионов на севере страны) нет центрального отопления.

западного Синдзюку в утренние часы. В чём заключалась мотивация этих дядек крутить колёса что есть мочи, нажимая одной ногой на педальку, в то время как вторая безжизненно свисала с сидухи? Я не знала. Разве что переломы давали клеркам осложнение на мозг и лишали их здравого смысла. Вместо того, чтобы наслаждаться тихими и спокойными буднями дома во флисовой пижамке наедине с телевизором и холодильником, контуженные офисные воины вставали по будильнику, надевали белые рубашки и повязывали на шеи удавки.

Капроновый гольф предательски сползал с голени, но нельзя и помыслить было о том, чтобы нагнуться и подтянуть его посреди толпы в дождь. Японцы не подтягивали носки и не зашнуровывали ботинки у всех на виду. Они искали укромное местечко, чтобы ни одна живая душа не узнала, какие они неряхи. Мне не хотелось ловить торжествующие взгляды, поэтому я старалась ставить ступню так, чтобы гольф не высовывался из-под намокшей брючины. Шаркающей походкой я шла по мокрому асфальту и чувствовала себя уродом. Мне хотелось надеть резиновые сапоги и яркий дождевик, мне хотелось стянуть с обеих ног капроновые гольфы и бросить их посреди улицы, нарушив не только правила раздельного сбора мусора (капрон относится к отходам сжигаемым – выкидывать его можно только по средам и субботам), но и вообще все нормы приличия разом. Меня порывало устроить настоящий перформанс – торжественно поднести пламя к капрону, чтобы тот сморщился и заалел.

Устроившись в Птичью башню, я возненавидела телесные капроновые носочки и гольфы. Наша обоюдная неприязнь иногда переходила в партизанскую войну, как сегодня. Я тратила на капроновые гольфы целое состояние: из-за строения моих ступней – большие пальцы на обеих ногах тянулись к солнцу, словно одуванчики, – гольфы быстро рвались. В месяц уходило порядка пятнадцати пар, а из бюджета на чулочно-носочные нужды высасывалось почти пять тысяч иен в месяц¹⁵ – около трёх процентов моей зарплаты. Эти деньги можно было потратить иначе:

- выпить 12 средних латте в «Старбаксе»,
- три раза сходить в кино,
- съесть 46 суши с лососем в дешёвеньком суши-баре на районе,
- купить пару помад «Шу Уэмура»¹⁶,
- ладно-ладно, купить годовой абонемент в Музей фотографии или самые дешёвые билеты в театр Кабуки,
- да пропить в конце концов где-нибудь в красивом баре с террасой.

За год и вовсе набегала кругленькая сумма. Вместо того, чтобы смотаться на неделю на Бали, я день за днем тратила деньги на мерзотные капроновые гольфы. Я не понимала, какого чёрта Птицефабрика, прописавшая в дресс-коде обязательным пунктом наличие капроновых гольф, не могла выделять на них отдельный бюджет.

Пока я строила планы мести, гольф меня победил. Он окончательно сполз с ноги, и скукожившись на щиколотке, слегка покачивался, словно брыли шарпея. Я никогда не видела, как горят колготки, но мысль о том, что горящая колготка может обладать толикой протестного символизма, меня забавляла.

Лица прохожих не были хмурыми или угрюмыми, они были апатичными и безэмоциональными, они были серыми и невзрачными, как картонные коробки из-под холодильников, в которых под мостом рядом с отелем «Синдзюку Принс» ютились бездомные.

Я заставляла себя улыбаться, несмотря ни на что. Глава Птицефабрики учил в своей книге-наставлении: «Как бы плохо вы себя ни чувствовали, улыбайтесь широко. Тогда вы сами уверуете, что у вас всё отлично, а некогда неестественная улыбка, улыбка натянутая станет настоящей».

¹⁵ Около 2500 рублей

¹⁶ Японский косметический бренд

Президент компании и правда улыбался всегда, точь-в-точь, как китаец за кассе супермаркета. Может, они посещали одни и те же курсы? Оба играли одинаково хорошо. Я бы хотела уметь улыбаться не хуже Петуха-вожака. Он смотрел на кудахтающих куриц по-отечески нежно, чуть оголяя белые зубы, он улыбался не только губами, но глазами – так, что над скулами оставляли следы гусиные лапки. Я тренировалась каждое утро по пути на работу. Думая о сползшем гольфе и ненавистной башне, я растягивала губы в улыбке.

Во всём Синдзюку, этом огромном бетонном муравейнике, был лишь один человек, чья улыбка казалась мне искренней. Я видела его так же часто, как Человека-Воробья. Он не работал на Птицефабрике. Да и птицей он не был. Я звала его Царём. Обычно мы пересекались с Царём на светофоре. Он замирал на одной стороне дороги, я – на другой. Между нами проносились велосипеды, мотоциклы, такси и фургоны. Царь всегда стоял в первом ряду. Застыв на перекрестке, он глядел не в телефон и не себе в ноги, а вокруг, будто осматривая свои обширные владения. Царь был хозяином Синдзюку. Все эти небоскрёбы, все эти улицы принадлежали ему. Порой он не ждал зелёного сигнала, а вальяжно переходил дорогу на красный. Салариманы стояли, скруглив спины, а Царь возвышался над ними, гордо выпятив грудь. Когда он шёл, толпа расступалась и никто не решался поднять на него взор. Я не боялась не только разглядывать Царя, но и смотреть ему в глаза. В зеркале его бездонной души отражалось всё малодушие окружающих.

У Царя была длинная борода, косматая шевелюра с проседью, живые глаза и вечно растянутые в улыбке обветренные губы. И зимой, и летом, и в зной, и в пронизывающий февральский холод он ходил в одном и том же: в грязных штанах болотного цвета с заплатками и дырками, на которые, очевидно, заплаток не хватило, и рубашке цвета заплёванного синдзюкского асфальта. Царь мог позволить себе то, чего крепостные не могли: присесть на бордюр, прилечь под мостом, развалиться возле курилки, пуская клубы белого дыма в небо – его туловище порой сливалось с асфальтом, и было невозможно понять, где заканчивался Царь и начинался Синдзюку. Они перетекали друг в друга, они были неотделимы.

Не имея постоянного места жительства, Царь кочевал из одного уголка Синдзюку в другой. Царь был свободен, он мог спать, сколько ему вздумается, мог делать, что взбредёт ему в голову, ему не надо было ни перед кем лебезить, ему не надо было вести неравный бой с капроновыми гольфами.

Если честно, я завидовала Царю. Я завидовала бездомному городскому сумасшедшему белой завистью, ведь у него было то, чего не было ни у меня, ни у кого бы то ни было из застывших на светофоре дам и господ в чистых и отутюженных рубашках – возможность распоряжаться своей жизнью.

Царь был гол, как сокол, но выглядел безмерно счастливым. Без крыши над головой, без стабильного заработка, без пары блестящих чёрных ботинок, без ежедневного горячего обеда и ужина он улыбался так, как мы не умели.

Порой мне казалось, что он считает нас всех идиотами – мы ходим на каторгу, хотя родились свободными птицами. Я была готова признать свою глупость, когда видела, как по Синдзюку идёт Царь – уверенно и бодро, в отличие от нас, цыпляток, с опаской, вжав голову в плечи, ковыляющих вдоль разбросанных находчивым мясником хлебных крошек – прямоком к пню с торчащим из него топором.

– Чтобы в Японии оказаться на улице, надо сильно постараться, – как-то сказал мне безымянный сосед по барной стойке. Мы делились друг с другом страхами: я – страхом остаться без работы, он – без семьи и детей. Мне дико хотелось перемен, но перспектива не иметь средств к существованию и быть съеденной оголодавшими тараканами в крошечной тьме – электричество в Японии стоит немало – пугала меня сильнее ежедневной каторги или прыжка под поезд.

Царь не боялся темноты, тараканов и голода. Когда я на него смотрела, мне становилось стыдно. По сути я, как те самые ребятки на заре миллениума, променяла свободу на колбасу.

Ребяток я порицала, а себя ненавидела. Царь был ходячим доказательством того, что выбор есть, сколько бы мы ни пытались делать вид, что его не было.

– Всё дело в выборе. Выбор есть всегда. Покончить с собой ты всегда успеешь, – отозвалось эхом в голове, а к горлу подступил комок.

Иногда я думала о том, что он не может быть счастливым, что он притворяется – как сегодня, когда шёл дождь, а Царь вышагивал по улице без зонта, в промокшей, прилипшей к телу грязной рубашке, слизывая капли с обкусанных губ. Загорелся красный – мы замерли на перекрестке. Дождь барабанил по моему зонту и лился водопадом на нечёсаную голову Царя. Царь улыбался. Я тоже. По щеке катилась слеза. Я всхлипывала, растягивая губы в лживом смайле, а царь улыбался глазами.

Мне хотелось спросить, как ему это удается – не имея ничего, быть самым счастливым во всём Синдзюку человеком. Бывало, я даже вела с Царём воображаемые беседы. Я подходила к его раскладушке, растянутой под мостом, присаживалась на корточки, доставала пачку и, протянув ему сигарету, просила поделиться со мной житейской мудростью.

Царь привставал на локтях, нехотя усаживался на краю раскладушки, бросал на меня пронизательный взгляд и изрекал шаблонное: «Хочешь быть счастливой, будь ей. Никто не мешает тебе быть счастливой, кроме тебя самой. Тебе кажется, что система не даёт тебе наслаждаться жизнью. Но стать винтом системы ты решила сама. Это был твой сознательный выбор».

Иногда мне хотелось бросить всё, покинуть Птицефабрику навсегда и устроиться на работу в «Старбакс». Я представляла, как буду подавать клеркам латте или американо, разогревать в печке ароматные печеньки до нужной температуры, так чтобы крупные шоколадные крошки размягчались, но не растекались, взбивать в блендере фраппучино из зелёного чая, рисовать на стаканчиках сердечки и писать чёрным маркером «Хорошего дня!» Работа в кофейне, пожалуй, могла принести обществу гораздо больше пользы, чем моя возня в офисе с бумажками. В кофейне я могла бы ежедневно делать людей счастливыми. Я могла бы брать выходные в будни и ходить по выставкам, слушая не едкие комментарии туристов в адрес шедевров японского современного искусства, а лишь глухой стук своих каблуков по паркету. Я могла бы снять допотопный пингвиний костюм и, удержавшись от того, чтобы не сжечь его торжественно во дворе, отправить пиджак, брюки и рубашку напрямиком в секонд-хенд. Кто знает, может, мне даже разрешили бы покрасить голову, пусть не в розовый и не в фиолетовый, но хотя бы в медный или светло-каштановый. И да, зелёный передник с русалкой пошёл бы мне куда больше, чем рабская униформа.

Когда от мегаполиса меня тошнило несколько дней к ряду, а водосток в туалете Птичьей башни не справлялся с потоками моих горьких слёз, я порывалась собрать вещи и уехать в индийский ашрам. Сидя на кафельном полу в закрытой кабинке, обвив голени руками и уткнувшись лбом в колени, я переносилась в тропический жаркий лес Кералы, где ещё до рассвета раздавался звук гонга, а с первыми лучами солнца дауншифтеры и фанатки «Ешь, молись, люби» выползали на дощатую террасу и внимали мудрости гуру.

Гуру мог не только закинуть ногу за голову, сделать плавный переход из журавля в скорпиона и обратно, ловко удерживая баланс на жилистых руках, но и, повернув смуглое, изборождённое морщинами лицо в сторону бледной замученной физиономии, дать пришельцу с дикого запада бесценный совет. В моих мечтах, далёких от реальности, как северный полюс от южного, индийский гуру представал безумной смесью Гэндальфа¹⁷ и Царя. У него были чистые светлые одежды, прямые серебристые волосы, длинная струящаяся борода под стать толкиновскому волшебнику и добрая благостная улыбка, как у синдзюкского бездомного. Гуру пребывал в гар-

¹⁷ Один из центральных персонажей произведений Дж. Толкина «Властелин колец» и «Хоббит»

монии с собой. Его ни капли не смущало отсутствие материальных благ и базовых удобств. Гуру была доступна абсолютная свобода.

Я много раз представляла, как бросаю в рюкзак сланцы, пару маек и санскрин. Меня останавливал лишь недостаток средств на сберегательной книжке: не хватало пары-тройки сотен тысяч иен. Птицеводы знали, что если кидать курочкам побольше зёрнышек, курочки могут накопить зёрнышек про запас и, претворяясь пташками неперелетными, будто бы едва передвигающимися на атрофированных лапках из одного угла стекло-бетонного курятника в другой, втихаря отрастить крылья и вырваться за ограду, отделяющую Птицефабрику от свободного мира. В кормушку неспроста насыпали ровно столько, чтобы пернатые были сыты, но недостаточно, чтобы зёрнышки можно было откладывать на чёрный день. В этом отношении пингвины японские обычные пребывали в положении незавидном по сравнению с пингвинами заморскими, императорскими: экспатами, бизнес-консультантами и инвестбанкирами. Рабы западных галер, отбатрачив лет десять, имели возможность прикупить дом, превратить его в хостел и, свалив в Таиланд, жить за счёт аренды и не тужить, попивая тропические коктейли и раскачиваясь в гамаке. У подавляющего большинства пингвинов, вылупившихся из яиц на сером песке японского архипелага, не было ни малейшего шанса оказаться на спасительной льдине, отколовшейся от острова невезения. Им предстояло влачить безрадостную жизнь вплоть до получения заслуженной многолетней путёвки в дом престарелых.

Кредитное ярмо было препятствием куда серьёзнее атрофировавшихся лапок и давшей сбой способности мечтать о дальних берегах – долговую яму юных птенцов учили рыть в первый же месяц трудовых будней. Зарплатная карта, которую открывали первогодкам, была не обычной, дебетовой, а кредитной. Лимит повышали стабильно два раза в год, примерно за месяц до получения премии, чтобы грядущий бонус ни при каких обстоятельствах не отправился в накопления, а был съеден подчистую возросшим долгом.

Отказ от привязки к кредиту требовал времени и нервов. Нужно было не только на словах выразить свои опасения представителю банка и кадровикам, но и сочинить объяснительную записку, в красках расписав приступы долгоямовой клаустрофобии, которой страдаешь, когда баланс уходит в минус. Каждый пункт сочинения проходил тщательное испытание встречными аргументами. Единственным доводом, который кадровики, пусть и нехотя, но принимали, было шедевральное «мне моя религия не позволяет», не поддающееся логическому контрудару. Похлопав беспардонно длинными ресницами с придурковатым видом, я осведомилась у эйчаров, могут ли представители моей редкой секты пользоваться комнатой для молитвы (её в нашем небоскрёбе держали для мусульман). Кадровики пообещали уточнить и, очевидно, не достигнув компромисса с исламской общиной, стали меня избегать. Банковский вопрос отпал сам собой. Таким образом, одну схватку с системой я выиграла – уже два моих бонуса пополнили фонд «Бай-бай кабала», средства из которого непременно когда-нибудь будут потрачены на билет в один конец, прочь из мира боли и отчаяния Птичьей башни, и пару лет безбедной жизни на свободе.

Сегодня я вела бой с собой: я заставляла себя идти в ненавистный офис ради третьего бонуса, который, словно разноцветное конфетти, должен был обрушиться на мои ещё хрупкие, но уже чуть покатые плечи в следующем месяце. Я напрягла все силы, чтобы левая нога с висющим на ней мокрым гольфом сделала ещё один шаг – светофор загорелся зелёным – а затем ещё один. Царь, только поравнявшийся со мной, улыбался так же широко, как всегда, а мне казалось, что поникший капроновый гольф весит не меньше каменных глыб Стоунхенджа.

Глава 2. Исповедь

На подступах к Птичьей башне я призвала на помощь тяжёлую артиллерию – песенку «Безумненькая» от Дэвида Гетта¹⁸, вышедшую примерно тогда же, когда в моём плеере появились «Сдалось нам ваше образование» и «Забери меня домой».

В то далёкое волшебное лето видеоклипы французского диджея крутили по MTV раз по двадцать в сутки. В ролике замученная офисной жизнью девушка, вынужденная терпеть заскоки эксцентричного босса, достаёт из-под полы большие железные банки с краской. Девушка распускает волосы, снимает серьёзные учительские очки и засовывает руки по локоть в банки. Розовый, голубой, жёлтый – она берёт строительные валики и с остервенением ваяет по стенам. Брызги летят в разные стороны, а девушка наконец-то улыбается – так же искренне и благостно, как Царь в погожий солнечный день.

Эта песня настоящая машина времени. Она катапультирует меня в те счастливые времена, когда я была уверена, что тухлая офисная жизнь обойдёт меня стороной. Мы слушали электронную музыку, закусывали бурбон солёными огурцами (а почему бы и нет?) и думали, что никогда не вырастем.

С Лерой и Вовой, лучшими друзьями периода позднего отрочества и ранней юности, мы могли гулять до утра, встречать вместе и закаты, и рассветы, валяясь на полу и читая друг другу вслух любимые отрывки из «Бойцовского клуба», «Духлесса» и «99 франков». Мы лапали эти книжки пальцами, только что ловившими в пятилитровых банках солёные огурцы, припасённые бабушкой на холодную голодную зиму. Мы проливали на них мартини и ром. Мы роняли на них пепел ультра-лёгкого «Парламента» – его я выбирала, чтобы не палиться перед родителями – мой отец курил именно их.

Белые воротнички казались нам клоунами, несчастливцами, живущими пустыми жизнями. Мы угорали над офисными сидельцами и не уставали цитировать «Ленинград»:

*«Пускай у тебя уже не стоит,
Зато начальник тебя благодарит.
Я не спорю, бабки нужны всем и всегда,
Но зачем так вьёбывать? Это беда.»¹⁹*

Мы удивлялись, как вообще можно серьёзно относиться к жалкому существу, заикленному на карьере и готовому стать «роботом ради бумажной мечты». Мы жалели сходящего с ума от бессонницы героя Эдварда Нортона²⁰ и то ли сознательно, то ли бессознательно гробящих свои жизни протагонистов романов Минаева и Бегбедера – те хотя бы жили весело, пусть порой так весело, что тянуло встретиться с белым другом в приступе булимии впечатлений. Прослушанная миллион раз, песня Шнура записала на жёсткий диск моего подсознания аксиому, что счастье заключается ни в чём ином, как в свободе, и в свои семнадцать я не готова была променять её ни на какие бумажки и Диснейленды.

В столицах Франции и России офисные крысы, дослужившиеся до личного кабинета, могли хотя бы претендовать на золотые карточки и пропуска в клубы – клубы мы любили – где прекрасный Гетта, доступный нам лишь на экране телевизора, ставил «Безумненькую» лично для них, безумненьких трудоголиков-алкоголиков, так и не подсевших на героин, но уже исколовших свои синюшные вены иглами безудержного консьюмеризма. В жизнях париж-

¹⁸ Davide Guetta, *Delirious*

¹⁹ Ленинград, «Менеджер»

²⁰ Речь идёт о фильме «Бойцовский клуб» (1999)

ских и московских менеджеров кружились блёстки, от них за версту разило дешёвым одеколоном гламура. Они оставляли после себя не только пустые бутылки «Дюарса» и «Бельведера», но также нехилые чаевые и шлейф декаданса, удушливый, как опавшая осенняя листва, начинающая местами подгнивать, но всё ещё радующая глаз насыщенным бордовым. В этом торжественном увядании таилось едва заметное очарование. Московские и французские менеджеры – во всяком случае в наших юношеских фантазиях – устраивали перманентную репетицию самоубийства – от английского профессора, сыгранного Колином Фёртом, их потуги отличались лишь тем, что вкус у них был, мягко говоря, не таким безупречным, как у Тома Форда, пусть они и могли позволить себе костюмы «Гуччи», выкроенные по его эскизам.

Мы хотели быть кем угодно, но только не менеджерами среднего звена или, боже упаси, офисным планктоном, ведь единственное, что в нашем простом, как дважды два, мире отличало менеджера среднего звена от офисного чмошника, пока им не ставшего, была гора кокса и возможность снимать оттюнингованных шлюх в столичных клубах. Менеджеры среднего звена ездили на «Бэхах» и «Поршах», а мечтающие ими стать подмастерья – на взятых в кредит «Фордах Фокусах». Нас тошнило и от тех, и от других – ведь и те, и другие представлялись нам жалкими, зафакапившими свою жизнь олигофренами, место которых на мусорной свалке. К слову, голубоглазый наркоман из «Реквиема по мечте» и его боевая подруга вызывали у нас куда больше уважения, чем протиратели дорогих штанов в просторных кабинетах с перегородками. У героев Даррена Аронофски мечта была хотя бы не бумажная, да и проституцией красотка в исполнении Дженнифер Коннели занималась далеко не каждый день, в отличие от сдающих своё тело в аренду на сорок, а то и шестьдесят часов в неделю, высоко задирающих нос работников больших корпораций.

Сидя на тёплой земле в парке, нежась в лучах предзакатного солнца, мы самоуверенно полагали, что наша жизнь сложится иначе. Она и должна была сложиться иначе, но вышло, как вышло. Я боролась до последнего, я что есть мочи барахтала лапками в холодном пруду безысходности, куда меня забросил смерч взрослой жизни. Я изо всех сил гребла против течения и старалась обходить небоскрёбы стороной – до тех пор, пока судьба не кинула мне в ноги белую перчатку.

Шёл май 2015 года, я сидела в библиотеке и работала над магистерской диссертацией. Я читала старые сценарии, я выуживала из переписки Куросавы с продюсерами факты и даты, я искала в письмах и телеграммах сорокалетней давности знаки и подсказки. Я была поглощена своим исследованием кинематографа 70-х и думать не думала о небоскрёбах, где томятся спящие тревожным сном офисные красавицы и красавцы. Меня принимали в докторантуру одного из ведущих японских ВУЗов без вступительных экзаменов, а научник буквально на днях объявил, что моя работа будет выдвинута на награду.

– Продолжай в том же духе и не забывай отдыхать! – подбодрил он меня. – Мы идём с опережением сроков.

Я кивнула и пообещала, что звание лучшего исследования года будет присуждено именно моей работе. Так оно и случилось, только в докторантуру я не пошла. Мне было почти 25, к этому возрасту у моих родителей уже была я, квартира в новостройке и машина, а у меня – один чемодан вещей, стеллаж с книгами и горе от ума. Я прожила четверть века, но не успела украсить безымянный палец кольцом, а трудовую книжку – записью о престижном опенспейсе.

Я не пряталась в университете от работы под стать розовощёким пацанам в роговых очочках, косившим от армии. Поработав помощником главы московского бюро консервативной японской газеты с ежедневным тиражом в пару миллионов экземпляров и поняв, что ловить в редакции мне больше нечего – выше меня стоял только шеф-кор и его зам – я выиграла правительственный грант и уехала восвояси, грызть гранит наук и приобщаться к таинственной

культуре Страны восходящего солнца. Всё шло своим чередом: я копалась в архивах, проводила дни и ночи в библиотеке, пока корпоративное безумие не постучалось и в мою дверь беспардонной старухой-процентщицей, пришедшей взять должок.

Раз уж я, помешанная на своём исследовании зубрилка, сдавала главу за главой неделями раньше установленных диссоветом сроков, я решила, что вполне могу записаться на курс японской классики: книжный червь тянулся к новым стеллажам, надеясь полакомиться литературными деликатесами.

В программу весеннего семестра помимо откровенно абсурдных «Дома спящих красавиц» Кавабаты и «Охоты на детей» Коно, подванивающих извращениями, как те поношенные трусы, что в Японии продают в магазинах для взрослых, весьма некстати включили роман Нацумэ Сосэки «Затем», реалистичный и пугающий. Если первые, коротенькие новеллы, дались мне с трудом, местами вызывая чувство брезгливости, то последний я прочла запоем. Огромная лягушка-бык не успела проквакать и пары ночных партий на пруду рядом с университетской общагой, как роман Сосэки был осилён, вскружив усмирённое давеча чувство тревоги и взбаламутив все страхи и волнения относительно будущего, которые долго дремали, убаюканные уютной академической люлькой. Сосэки поставил ребром вопрос о моём собственном Затем. Я впервые всерьёз задумалась о том Затем, что будет ждать меня, когда я получу степень доктора, о том Затем, что неожиданно-негаданно нагрянет, когда мне с фанфарами и под аплодисменты собравшихся перережут пуповину правительственной стипендиальной программы, кормившей меня все эти годы, и кормившей весьма неплохо. Я сидела на полутатами перед только что захлопнутой книжкой. За окном занимался рассвет. Жирная жаба квакала с ровными интервалами, будто по маятнику отсчитывая, когда надо открыть склизкую пасть и извергнуть стон, а мною овладевал ужас при мысли о том, что в один прекрасный момент я окажусь за дверью альма-матер, держа в руках лишь многостраничную копию собственной диссертации, диплом с отличием и ноль на сберегательном счете.

Битва за магистратуру тоже была не из лёгких. За месяцы до того как я встала перед распахнутым чемоданом, прикидывая сколько пакетов гречки в него поместится, друзья активно пытались отговорить меня от, как им казалось, опасной авантюры.

– Зачем тебе эта магистратура? Ты что не понимаешь, что это просто трата времени? Ты убьёшь два года, а потом вернешься туда же, с чего начинала, а все остальные к тому моменту уже будут зарабатывать в два раза больше тебя. Если так хочется перемен, просто поменяй работу или купи новые шторы. Да мебель переставь в конце концов! – Лера активно жестикулировала. Был погожий августовский вечер, мы стояли на балконе, и мне то и дело приходилось отшатываться от пролетавшей в паре сантиметров от носа сигареты-кометы.

Все будто сговорились. Друзья, с кем в 18 лет мы вместе мечтали о приключениях, отсутствии в своей жизни табличек «Эксель» и строгих дресс-кодов, к 23 успели стать преданными рыцарями длинного стола с перегородками, готовыми если уж и не вонзить меч в сердце фрилансера, то хотя бы попытаться обратить его в свою веру – веру во всемогущество бабла и животворящую мощь белого воротника, перетянутого чёрным галстуком.

– Как я могу стать настоящим японистом, если не поживу в Японии пару лет? – спрашивала я в ответ.

– Многие становятся, ни разу там не побывав, а ты и так туда уже раз шесть моталась. Да и вообще японистикой своей – слово-то какое противное – ты себя не прокормишь.

– Я бы не была такой категоричной...

– Припомни мои слова, когда через пару лет все вокруг пересядут на новенькие «Бэхи», а ты, вернувшись из своего прекрасного-распрекрасного Токио, будешь вынуждена каждое утро спускаться в вонючее московское метро и ездить на работу в компании бабок с синдромом Туретта. Кира, возьми Айн Рэнд почитай, – в ход пошла тяжёлая техника.

– Я читала «Атланта».

– И что? Ты хочешь быть, как все те люди, что пытались сесть на шею Дагни и Риардена? – Лера бросила тлеющий бычок вниз – я провожала его взглядом до тех пор, пока он не превратился в точку – где-то на уровне пятнадцатого этажа.

– Рэнд вообще не о том писала. Почему вы все думаете, что именно она создала культ бабла и богатства? Рэнд писала о труде, она пестовала культ работы, а не денег. Не надо закатывать глаза, – Лера выудила длинными холёными пальцами вторую сигарету и потянулась за зажигалкой, лежавшей на подоконнике. – Рэнд писала, что надо заниматься любимым делом денно и ночью, даже когда все считают, что это пустая трата времени, даже когда все только и делают, что мешают, ставят на твоём пути преграды и пытаются превратить тебя в собственного клона. Рэнд учила, что нужно идти своей дорогой, ведь это и есть дорога к успеху.

– Твоя магистратура денег тебе не принесёт. Ты спустишь два года в унитаз.

– Говорю тебе, не о деньгах писала Рэнд, а о труде. Что ты всё о деньгах да о деньгах? Деньги это всего лишь бумажки. Если бы деньги реально делали людей счастливыми, богатенькие рублёвские жены не бухали бы в гордом одиночестве в своих дворцах и не давали бы от скуки депрессивные интервью глянцевым изданиям, а их мужья не мерились бы яхтами и самолетами. Ты думаешь, когда Дагни строила железные дороги, а Риарден плавил металл, они мечтали о «Бэхе», или о «Бентли», или о «Фальконе»? Нет, ты ошибаешься, они просто занимались тем, что им нравится, думая о деньгах не как о материальном благе, а как о само собой разумеющейся награде за приложенные усилия. Они тянулись не к деньгам, а к свободе, свободе распоряжаться своим временем, своим талантом, своей головой. Дагни никогда бы не пошла работать протирательницей штанов или перекладывательницей скрепок. Дагни занималась любимым делом – ей нравились эти чёртовы поезда. Она строила железные дороги, потому что реально их любила, она любила их даже больше, чем Франциско и Хэнка вместе взятых, а может быть, даже больше, чем Голта, – я задумалась на секунду. – Точно больше. Железные дороги она любила гораздо больше, чем Голта.

– Точно так же как ты любишь свою Японию больше, чем Мишу? – Лера сверлила меня взглядом, а пепел, который она забыла стряхнуть, так и норовил упасть на подол.

– Не передёргивай. Я этого никогда не говорила и вряд ли когда-нибудь скажу, – я протянула ей пепельницу.

– Но ведь это так? Уезжая в свою дурацкую магистратуру, ты выбираешь Японию, вместо того чтобы нормально жить, как все, и постепенно обустроить гнездо. А может, ты просто бежишь от проблем? Ты достигла потолка на нынешней работе, понимаю. Так поменяй её, устройся туда, где есть рост.

– Я уверена, что смогу гораздо больше, если проведу пару лет в Японии. Миша тоже так считает, поэтому он меня отпускает. Это мой карьерный трамплин – строчка о стажировке за границей ещё ни одно резюме не испортила, ты так не считаешь? – Я пыталась убедить Леру, приводя понятные ей аргументы, но твёрдо знала, что работа в офисе большой компании нужна мне меньше, чем зайцу лыжи.

Дискуссии были бесконечными. Почти каждый собеседник крутил пальцем у виска, услышав, что я собралась ехать учиться в свои, страшно сказать, 23 года, когда все приличные девушки уже всю выбирают коляски и кастрюли для борща. Никто не радовался, что я получила правительственный грант, что меня приняли в университет, подаривший миру нескольких нобелевских лауреатов. Всем было плевать, что моя стипендия будет не сильно меньше моей московской зарплаты и даже выше зарплаты многих из тех, кто активно отговаривал меня от безумного «прыжка в никуда».

Уехав на острова и уйдя в академический астрал, я начала потихоньку терять связь с оставшимися на родине друзьями и близкими. Это не произошло в один день, я отдалялась от них постепенно, как плохо привязанная шлюпка, которую уносит в открытое море во время отлива – медленно, но верно я уплывала всё дальше к линии горизонта.

Когда я возвращалась домой на каникулы, я видела, что безнадежно отстала от московских трендов. Сначала все вокруг стали заказывать Апероль Шприц, а потом перешли на белое вино в графинчиках, разбавленное льдом, и переобулись в кеды. Я продолжала по привычке пить виски-колу, носить босоножки на танкетке и делать вид, что всё в столице осталось по-прежнему, за исключением разве что цен на сигареты.

Миша, мой тогдашний молодой человек, всё больше утыкался в смартфон, всё больше времени проводил с друзьями-белорубашечниками и всё меньше вспоминал о том, о чём когда-то мечтал. Когда мы только познакомились и гуляли по Чистым прудам ночи напролёт, Миша с горящими глазами рассказывал мне, что хочет открыть обувную фабрику, что мечтает создавать идеальные туфли, жить в Италии и быть хозяином своей жизни. У Миши было чёткое видение того, где он хочет оказаться, полный саквояж сладких грёз и амбиций и ни гроша за душой. Спустя полгода Миша переделался в костюм, а мечты об идеальных туфлях и лугах Тосканы съела навязчивая идея карьерного роста. Миша устроился в крупную консалтинговую фирму, у него появились деньги, а лимит на кредитке стал стабильно увеличиваться, равно как и реальный минус – долговую яму его научили рыть сразу после подписания контракта, точь-в-точь как узников Птицефабрики.

Когда мы созванивались по Фейстайм, Миша рассказывал мне о работе, коллегах, кашемировых свитерах и шерстяных костюмах, которые он активно скупал в командировках. Он перестал говорить о высоком, его стало волновать только материальное, только то, что можно было выразить в числах, валютах и процентах.

– Я приеду уже через две недели. Давай сходим на выставку, в Москву привезут Дали, – я сидела перед макбуком и предвкушала, как мы будем ходить по музеям и театрам, держась за ручку.

– Да что там делать? Ты соскучилась по интеллигентной бедноте? – выдал Миша, глядя не на меня, а в телевизор – по зелёному полю бегали 22 пары крепких накачанных ног и боролись за мяч. Он с интересом следил за игрой, а я за тем, как Миша менялся в лице. По одному лишь выражению его глаз, складкам губ, рисунку морщин на лбу я могла безошибочно угадать, кто ведёт в данный момент: футболист в трусах красных или синих. – На Патриарших новый ресторан открыли. Надо туда сходить, зачекиниться. Местечко модное, очередь на несколько часов.

В тот день я и не догадывалась, что грядущее лето станет нашим последним летом вместе, а под конец каникул Миша выставит меня за дверь своей высококастовой белорубашечной жизни вместе со всеми моими книжками, тетрадками и надеждой на совместное «долго и счастливо».

Прилетев в Москву в начале августа 2014 года, я поняла, что мы разошлись как в море корабли. Миша продолжал таскать меня на встречи с друзьями и коллегами, но делал он это все с меньшей и меньшей охотой.

Раньше, до того как я уехала в Японию, он с гордостью представлял меня сокамерникам:

– Это Кира, моя девушка. Она работает в японской газете.

Тем летом все в корне изменилось. Я больше не работала на экзотической работе, я больше не приносила денег в общий бюджет. Я стала временно безработной – именно так мой новый статус воспринимал Миша и его френды в приталенных рубашечках и зауженных брючках. При этом я продолжала считать себя не хранительницей домашнего очага, тварью дрожащей, а право имеющей – я позволяла себе снисходительно улыбаться каждый раз, когда кто-нибудь из мишиного окружения отмачивал глупость.

Одним поздним пятничным вечером мы вливали в себя третий по счёту графинчик белого вина на террасе модного столичного заведения. Я пыталась защитить абстрактный экспрессионизм от безжалостной критики мишиных комрадов, убеждённых, что они в ту же секунду, дай им холст и краски, создадут полотна не хуже Ротко и Поллока. В какой-то момент

страсти накалились до предела, а мой терпениеметр взорвался. Я больше не могла слушать пьяную околесицу недалёких мужиков в недешёвых костюмах. Я попросила Мишу заказать такси и вернуться домой. Он отказался. Я уехала одна.

– Кира, нам надо серьёзно поговорить, – начал Миша с утра, присев в кровати и потирая глаза. – Тебе не кажется, что ты неприлично себя ведёшь? – Я стояла рядом с раскрытым чемоданом и кидала в него рандомные вещи из шкафа. Пять минут назад я объявила Мише, что ухожу. Мы оба знали, что уходить я никуда не собиралась, а ждала извинений.

– Ты понимаешь, что мне с тобой стыдно на людях появляться? – я молчала. – Ты считаешь себя самой умной, но это не даёт тебе права вести себя, как сука. Вот ты всё о прекрасном и о высоком, а кто вчера счёт оплачивал? Твой глупый молодой человек, не имеющий ни малейшего понятия о твоих дурацких современных художниках. Вот ты сейчас вся такая возвышенная пойдёшь на кухню, достанешь из холодильника йогурт, заваришь себе кофе. А кофе с йогуртом как дома оказались? Их твой гениальный мозг спроецировал или, может, я их купил вчера в супермаркете через дорогу?

Я достала кошелёк и швырнула ему в ноги пару тысячных купюр.

– Я в состоянии себя обеспечить, – Миша закатил глаза.

– Ты считаешь, что ты в состоянии себя обеспечить? Ты живёшь на стипендию!

Я не могла с уверенностью сказать, в какой именно момент Миша начал ставить знак равенства между «жить на стипендию» и «жить на подаяния». Случилось это примерно тогда же, когда он перестал понимать, как можно, не имея кредиток с суммарным лимитом в полмиллиона рублей, быть уверенным в завтрашнем дне.

– У твоей сестры зарплата меньше, чем моя стипендия. Она в состоянии себя обеспечить? – спросила я его.

– Ей зарплату через полгода поднимут, а ты так и будешь сидеть на стипендии. Сколько ты ещё собираешься так жить? Ты что не понимаешь, что пора это прекращать? Хотела съездить в Японию – съездила, посмотрела, замечательно. Пора взяться за голову, Кира. Ты не можешь вечно убегать от работы!

– Я не убегаю от работы. Я не работаю всего ничего.

– Кира, пора взрослеть. Я хотел бы видеть рядом с собой успешную женщину, а не аспиранточку. Я хотел бы видеть рядом с собой человека, который живёт не на стипендию, а на стабильную зарплату, человека, который сможет прикрыть тыл, если вдруг что.

– Ты бы хотел видеть рядом с собой успешную женщину... Отлично! То есть ты бы хотел видеть рядом с собой не женщину, которую ты любишь, а женщину, которую не стыдно вывести в люди?

– Любовь пройдёт когда-то, Кира.

– Ты в своём уме? Насмотрелся «Карточного домика»? Завязывай с сериалами. Ты реально считаешь, что любовь не имеет значения? Ты что, хотел бы жить, как Фрэнк и Клэр Андервуды? Тыл есть, бабло есть – круто, да, жаль, что любви нет и не будет.

– Лучше жить, как Андервуды, чем жить без денег, но зато купаясь в твоей мифической любви, которая рано или поздно пройдёт.

– Ты больной!

– Пора взрослеть, Кира. Тебе уже 24. Пора взрослеть. Пора выходить из подросткового возраста, пора завязывать верить в любовь до гроба, в розовых единорогов и в то, что хобби может приносить деньги. Если хочешь быть со мной, придётся взрослеть.

– Ты считаешь, что ты повзрослел? Что за бред ты несёшь? Послушай себя! Какая нафиг успешная женщина? Ты считаешь меня неуспешной?

– А в чём твой успех, Кира? В том, что ты в 24 года ходишь на пары? Я понимаю, если бы ты МВА делала в Штатах, но ты пишешь сто-страничную диссертацию о какой-то никому, кроме тебя и твоего профессора, ненужной ерунде и при этом считаешь себя нереально кру-

той. Что делает тебя крутой, Кира? То что ты можешь отличить мазню Дали от Ван Гога? То что ты посмотрела все фильмы своего Куросавы? То что ты типа реально любишь балет и арт-хаус? То что ты бегаешь со своей зеркалкой по Японии, а при этом в «Инстаграме» у тебя всего триста подписчиков? – Он смотрел на меня, как на пустое место. – Кира, ты ничего из себя не представляешь. Абсолютно. Сейчас ты ещё можешь задирать нос и говорить, что ты такая вся умняшечка, учишься за границей, но когда ты получишь свою дурацкую степень и начнёшь искать работу, ты поймёшь, что никому не нужна. Работать тебя возьмут максимум училкой японского на полсмены, да и то на вряд ли, потому что японский твой никому не сдался. Вернувшись в Россию, ты в лучшем случае устроишься в среднюю школу училкой английского. Зато по музеям будешь часто ходить – детишек к прекрасному приобщать.

– Ты болен! – меня трясло от гнева, другие слова просто не приходили в голову. – Реально болен!

– А что ты думаешь? Что тебя после твоей стажировки главой азиатского департамента МИДа возьмут или, может, в какую-нибудь большую фирму японскую? Да кому ты нужна в фирме, ты даже макросы в «Экселе» не умеешь делать! Ты математику когда последний раз открывала, классе в одиннадцатом? Ты хоть один кейс по экономике в своей жизни решила? Ты ничего не смыслишь в микре, макре, ты ничего не знаешь о фондовом рынке и инвестициях. И при этом ты считаешь себя гениальной, Кира! Кира, скажи мне, я очень внимательно тебя слушаю, в чём твой гений?

Я пошла на кухню и закурила. Я курила одну за другой. Я курила, пока меня не начало тошнить, то ли от передоза никотина, то ли от осознания того, что любимый человек считал меня неудачницей.

Я смутно помню, как собирала вещи. Мне было очень больно, мне было так больно, что я не могла даже плакать. Плакать я начала, только когда села в самолет и выпила три бумажных стаканчика дешёвого вина, безо льда и не закусывая. Я плакала тихо. В день отъезда я взяла с прикроватной тумбочки томик Пастернака – как он там оказался одному Богу известно – и открыв его, уткнулась глазами в строчку, которая определила мою жизнь на годы вперёд: «... чувствовалось, что связь с Москвою, тянувшаяся всю дорогу, в это утро порвалась, кончилась».

Долгие месяцы я переваривала мишин монолог о моей несостоятельности и ущербности. Я почти выкинула из головы гнетущие воспоминания, когда в заржавелую дверь моей неудавшейся жизни настойчиво постучал Нацумэ Сосэки. Я сидела на соломенном полу, и на меня накатывало дежавю. Не успела я сдать «Затем» обратно в библиотеку, как мне позвонил Миша. Увидев в моем позорном «Инстаграме» фотографию неизвестного ему мужика, он решил напомнить о своём существовании.

Наша виртуальная встреча «состоялась напряженная», а «восстановленные клетки были вновь пораженными», почти как у «Касты» в «Ревности». Распушив павлиний хвост, Миша похвалился, что его повысили. С обесценившимся рублём он чувствовал себя если уж и не мировым властителем, то уверенным прожигателем пятитысячных купюр в пафосных столичных клубах.

Миша хорохорился передо мной минут десять, пока я не задала ему простой вопрос:

– Миш, а ты счастлив?

Самоуверенная улыбка начала сползать лица.

– Нашёл себе успешную женщину?

Миша молчал, он подбирал слова, он несколько раз порывался что-то ответить, но не мог выдать из себя ни звука.

– А ты всё так же от работы отлыниваешь? – спросил он наконец. – Слышал, ты ещё и в докторантуру собралась. Видать, у тебя совсем мозги набекрень съехали. Перспектива помереть, сидя на шее государства, она такая радужная. Куда нам до звёзд!

– Нет, Миш, я решила слезть с государственной шеи. Работать пойду, как ты мне и говорил. Надо было тебя слушать с самого начала.

– И куда же ты пойдёшь работать?

– Куда-куда? А вот не скажу я тебе куда.

– Училкой английского?

– Нет, дорогой, пойду работать в большую японскую компанию, – только уголки его губ начали задираться, как снова стекли вниз.

– И в какую же японскую компанию, Кира, ты пойдёшь работать?

– А я пока не решила. – Я понятия не имела, что за ерунду несу, но было поздно останавливаться. Книга Сосэки посеяла семена безумных карьеристских сорняков-устремлений на плодородной почве моих мозговых борозд, а раovor с Мишей стал тем самым дождичком в четверг, который их оросил. Семена пустили молодые побеги.

– В смысле ты не решила? В смысле ты ещё даже не обновила резюме, да? – Миша хлопнул в ладоши и заржал.

– В смысле я получила уже два оффера и жду результатов от третьей компании. Я просто ещё не решила, какую из трёх предпочту.

– И сколько денег предлагают? – Миша перестал смеяться. Он сел ровно на диване и сложил руки на груди.

– Что тебе ещё рассказать? – разговор начал меня утомлять. – Достаточно, чтобы заказывать «Моэ» бутылками в клубах, как ты в последнее время делаешь, если твой «Инстаграм» не врет.

Во мне внезапно поднялась волна гнева за оскорблённую им годом ранее тень моей гениальности:

– Знаешь, Миш, спасибо тебе большое за то, что ты вправил мне мозг. Без тебя я так и осталась бы жалкой неудачницей, вечной студенткой, живущей на подаяния Министерства образования, но ты открыл мне глаза на жизнь. Я повзрослела и твёрдо решила стать «ус-пешной жен-щи-ной», – я произнесла это словосочетание медленно, по слогам. – И я обещаю тебе, дорогой, что через десять лет мой годовой доход будет как минимум в два раза выше, чем твой. Ты знаешь, я своё слово, в отличие от тебя, держу. И когда я буду проезжать мимо на своём «Астон Мартине», я непременно помашу тебе ручкой. Останавливаться не буду, не переживай, я буду слишком занятой и слишком успешной, чтобы тратить своё драгоценное время на бессмысленные разговоры ни о чём. А теперь меня ждут дела, так что давай, до свидания. Удачи и успехов!

Я нажала отбой и закрыла лицо руками. Я не понимала, какой чёрт дернул меня на эту дичайшую браваду. Я посмотрела на календарь – 18 мая 2015 года из большого яйца ярости вылупился ещё один человек-пингвин.

Устройство на работу в японскую компанию стало моим личным челленджем, идеей фикс, наваждением. Я должна была получить оффер от большой корпорации любой ценой, я должна была отблатрачить в большой компании хотя бы пару-тройку лет, чтобы утереть нос Мише, чтобы доказать ему, что попасть в мир крупных корпораций может любой желающий – даже такие «гуманитарии-неудачники», как я.

Когда я начала искать работу, мало кто из одноклассников верил, что мне удастся её найти. Я приступила к атаке рынка труда на пару месяцев позже остальных.²¹ Я не была япон-

²¹ В Японии существует два типа найма: найм выпускников и найм лиц с опытом работы. Будущие выпускники начинают поиск работы на последнем курсе (учебный год в Японии начинается 1 апреля) или чуть раньше. Большие компании проводят презентации, нацеленные на найм выпускников, с начала марта. После посещения презентации заинтересовавшийся студент отправляет в компанию заявку. Если ему повезет пройти предварительный этап, его пригласят на тесты и собеседования. Процесс, как правило, затягивается на несколько недель, а то и месяцев. Большинство студентов одновременно подают заявки в десятки компаний, чтобы подстраховаться. Получив от одной (или нескольких компаний) оффер («найтэй»), они доучива-

кой, я не была китайкой и даже корейкой. Я была тем, кого кадровики больших японских компаний обычно не встречают на собеседованиях, рассчитанных на выпускников японских университетов, – бледной иностранкой, которая вот-вот получит диплом престижного местного ВУЗа. Однокурсников часто отсеивали ещё на групповом этапе, а я каждый раз доходила до последнего интервью и проваливалась именно на нём. После очередной неудачи я думала сдаться. Мне казалось, что небо просит меня уgomониться, пока не поздно. Шёл третий месяц поисков, я была на грани нервного срыва, я знала, какие вопросы и в какой последовательности мне будут задавать, но я так же знала, что мои ответы никого не интересуют. Я доходила до последнего собеседования только потому, что кадровики и менеджеры хотели посмотреть на заморскую зверушку, а не потому что они хотели взять эту зверушку на содержание в свой зоопарк. Я была для них кем-то вроде оцелота – поглазеть на диковинку желали многие, но покупать не стремились, отдавая предпочтение кошкам обычным, ведь простых котят было в разы проще приучить к лотку и когтеточке.

Я решила, что Птичья башня станет последним небоскрёбом, порог которого я пойду обивать – набойки на туфлях и так почти стёрлись от бегания по городским джунглям. Интервью в Птичьей башне было чем-то вроде подброшенной в воздух монетки: выпадет решка, стану клерком, орёл – пойду в докторантуру. Выпала решка.

Ни одна живая душа не попыталась остановить меня, когда я готовилась нырнуть в мир больших корпораций, кроме научника. Профессор так сильно расстроился, что даже не пришёл на церемонию вручения мне премии. Сэнсэй²² считал, что я его предала, но он и не догадывался, что предала я не только его, но ещё себя и всё, во что верила.

Остальные почему-то были рады, что я отреклась от науки ради «бумажной мечты».

«Теперь ты стала значимой ячейкой общества», – поздравили меня родители то ли в шутку, то ли всерьёз. Подруги, почти забывшие обо мне, принялись бомбить сообщениями и звонками в «Скайпе», «Вайбере» и «Фейстайме».

– Ну наконец-то ты взялась за голову, – сказала Лера. – Я боялась, что ты решила стать вечным студентом, как тот парниша из Нидерландов. Я встретила его летом на пляже в Барселоне. Ему перевалило за тридцатник, а он всё на пары ходит с тетрадкой под мышкой, живёт в общаге, подрабатывает в кофейне. Ни стабильной работы, ни квартиры, ни жены, ни детей, а его всё устраивает. – Она закатила глаза. – Мало того, он набрался наглости подъехать ко мне на своем двухколёсном драндулете. Я думала, ещё пара семестров, и ты превратишься в нечто подобное, начнёшь одеваться в секонд-хендах и рассуждать, как переключиться со стипендии прямиком на социальное пособие, – Лера пыталась одновременно красить ногти на ноге, разговаривать со мной и смотреть «Комеди-Вуман».

– Я надеюсь, ты шутишь.

– Нет, я действительно начала беспокоиться, что у тебя поехала крыша, когда ты заикнулась о докторской. Теперь я спокойна. Молодец! А я тебе ещё два года назад говорила, что не надо учиться, что работать надо! – Она неудачно взмахнула кисточкой и капнула лаком на пол. – Послушала бы меня, купила бы уже тачку и пару шуб.

– А тебя не пугает, что на верхней ступеньке моей карьерной лестницы может скрываться сияющий унитаз? – Я представила себе, как во время короткого перерыва гордо восседаю на белоснежном троне, в правой руке скипетр-ёршик, в левой – держава-вантуз.²³

ются и с апреля следующего года выходят на работу. Во многих компаниях предусмотрена система стажировок (как оплачиваемых, так и нет) для тех студентов, кто с апреля войдет в штат. Таким образом, еще не трудоустроившись официально (а лишь получив «найтэй»), студенты последнего курса имеют возможность увидеть компанию изнутри.

²² Учитель (яп.)

²³ Героиня романа «Страх и трепет» (1999) бельгийской писательницы Амели Нотомб «дослужилась» в японской компании до должности уборщицы туалетов.

– Кир, ну что ты несёшь, уже двадцать лет прошло, Япония на месте не стоит – от щупалец глобализации укрыться теперь можно разве что в Северной Корее, да и то вряд ли.

Настороженно к моему триумфу отнёсся бывший начальник, шеф-кор газеты Ямада-сан. Его вернули в головной токийский офис за пару месяцев до того, как я поставила красную печать²⁴ на контракт найма в Птичью башню.

– Кира, я, честно говоря, удивлён. Когда ты увольнялась, ты сказала, что хочешь поехать учиться в магистратуру, защитить диссертацию, и стать первоклассным экспертом-японоведом. Помнишь? Ты еще тогда кинула мне на стол несколько книжек о нравах японцев и пожаловалась, что в стране не осталось ни одного толкового специалиста по Японии. Я думал, ты хотела стать вторым Овчинниковым²⁵. У тебя на стене даже его цитата висела. Как там? Что он говорил?

– «Журналистика – это неустанное стремление тянуть вверх духовную планку читателей, делать их зорче и мудрее, просвещеннее и добрее. А обогатить других может лишь тот, кто многое познал сам, именно поэтому компетентность журналиста – залог его творческой самостоятельности.» – без запинки выдала я по-русски.

– Вот! Я правда не всё понял – слишком быстро ты говоришь, но суть уловил. – Ямада-сан откинулся на спинку кресла и отёр лоб. – Поэтому я тебя и отпустил. Видел, что у тебя есть цель, есть мечта, есть стержень. Ты этим жила. Что случилось, Кира-сан?

«Японистикой своей ты себя не прокормишь», – вспомнились слова Ники. Я пожала плечами. Мне было стыдно признаться.

– Ну ничего. Как вы там говорите, «усё ку руччему дэраитуся», – Ямада-сан отпил кофе, а затем положил обе руки на стол и пододвинулся ко мне, – Кира, не забывай, что тебе в жизни открыты любые дороги. Если будет тяжело, не стесняйся, пиши мне или звони. Знай, что ты всегда можешь ко мне обратиться. Если станет невыносимо, помни, что нет ничего постыдного в том, чтобы уволиться.

– Неужели они и правда такие страшные? Большие корпорации?

– Я просто хочу, чтобы ты понимала, что работа в японской компании за границей и работа в японской компании в Японии – это, как вы в России говорите, – он кашлянул, – «цубеточки и ягодуки». Совершенно разный уровень стресса. Но ты не бойся. Просто постарайся продержаться там пару лет.

– Почему пару лет?

– Два года – это как срок службы в российской армии до реформы. Первый год – сплошная дедовщина, а потом становится чуть легче. За два года ты поймёшь, как там всё устроено, освоишься, а твой следующий работодатель получит сигнал, что ты твёрдый боевой солдат, крепкий орешек, кто выдержал весь срок, не сбежав. А вообще я очень надеюсь, что когда-нибудь мы снова станем коллегами, я буду звонить тебе и консультироваться по российской внутренней политике, а ты мне – по японской. Знаешь, Кира, если бы у меня была возможность поработать в российской компании, я бы ни секунды не думал, особенно если бы мне выпал шанс попасть в структуру коррумпированную, под бочок к боссу, живущему на откатах и кумовстве. Это такой опыт, Кира, это настоящее расследование! Вытерпи два года, просто представь, что ты шпион, и не принимай всё происходящее близко к сердцу. За это время ты многое узнаешь, ты увидишь ту Японию, которую не видел даже Овчинников-сан.

Я и правда увидела много. Так много, что никак не могла это осмыслить и принять. Уже через пару месяцев после того, как меня приняли на Птицефабрику, кратковременная радость от получения долгожданного оффера сменилась паникой. Я сомневалась до послед-

²⁴ В Японии на документы принято ставить печать, а не подпись. У каждого японца и иностранца-резидента есть своя печать.

²⁵ Всеволод Овчинников – советский журналист-международник, востоковед. Работал спецкором газеты «Правда» в Японии в 1962 – 1968 годах. Его книга «Ветка сакуры» считается одной из лучших отечественных работ о Японии и японцах.

него, и только когда срок подачи документов в докторантуру прошёл, я смирилась с мыслью, что следующие как минимум два года буду винтиком в большой корпоративной машине.

После пары недель заточения в Птичьей башне я начала жалеть о содеянном. Мне хотелось собрать вещи и сбежать, но слово, данное Мише и самой себе, заставляло меня скрепя сердце, стиснув зубы, каждое утро садиться в жёлтый поезд и ехать на работу, которую я возненавидела раньше, чем успела облететь сакура.²⁶

Птичья башня стала моим личным Вавилоном, прорезающей облака твердыней, замаской на большее, чем следовало. Я перешла границы здравого смысла, я потеряла контроль над своей жизнью.

В первую офисную зиму мне казалось, что я вот-вот сойду с ума. На десятом месяце каторги я лежала у Платона в гостиной на тканном ковре, скрестив руки на груди и устремив отсутствующий взгляд в потолок. В тот вечер мне даже пить не хотелось.

– Может, хватит? – спросил Платон. Он сел на пол рядом, сжимая в руке бокал, почти до краёв наполненный «Чёрным Никкой». Возле меня стояла бутылка «Ямазаки» – хозяин излишне гостеприимный, Платон давился дешёвым вискарем, а мне предлагал дорогой. – Кира, пора завязывать. Пора это прекращать. Ты должна уволиться. – Он сделал большой глоток и не поморщился – видимо, уже дошёл до нужного градуса. – Это не будет означать поражения, Кира. Глупо играть с психами. Даже если ты дойдёшь до конца, победа твоя на деле окажется липовой. Победа не в том, чтобы не сдать, Кира, и дослужиться до зарплаты в три раза больше, чем у курицы, сидящей рядом, а в том, чтобы не играть с птицеводами по правилам, которые они установили. Ты не обязана с ними играть по их дурацким правилам. Ты в любой момент можешь выйти из игры, и это не будет означать их победы над тобой – напротив, это будет твоя победа над системой. Кира, выходи из игры. Не играй с этими сектантами, прошу тебя.

– Я потерялась, – это всё, что я могла ему сказать. Это всё, что я могла сказать себе. Мне хотелось, чтобы кто-нибудь нашёл меня и вывел из темнящего лабиринта салариманской жизни, но я знала, что никто не придёт, что спасение утопающих дело рук самих утопающих. Я занималась тем, что ждала корабль на аэродроме, зная, что он не причалит, что на аэродроме нет выходов ни к рекам, ни к морю, что там нет ни одного водоёма, где спасательное судно могло бы бросить якорь. У меня не было сил попытаться найти новую работу, у меня не было сил собрать вещи и вернуться домой, у меня не было сил даже привстать на локте, развернуться на бок, плеснуть в бокал с толстым дном вискаря и напиться в дрова. Я просто тянула время, приближая конец. Я ждала дня, когда какой-нибудь несчастный случай поставит жирную точку в веренице этих бездарно проведённых секунд, минут, часов и дней.

– Ты когда-нибудь думал о метеорите? – спросила я Платона, всё ещё глядя в потолок.

– В каком плане?

– Ну что он свалится на Токио и прикончит нас всех к чертям, как тысячи лет назад убил динозавров. Прикинь, ты тащишься на работу в битком набитой электричке. Костюм липнет к телу, на лбу испарина, японец слева умудряется в давке ковырять в носу, а тот, что справа, тянет руку под юбку старшеклассницы. Ты держишься за поручень и мечтаешь о пятничном вечере. И тут внезапно хмурое небо озаряет вспышка. Искры летят в разные стороны – бум, пшик – точь-в-точь как июльские фейерверки на реке Сумида, с той лишь разницей, что девушки вокруг не в кимоно, а в чёрном. Золотой змей с длинным полыхающим хвостом летит прямо в сторону Синдзюку, ты видишь, как он уходит в крутое пике и врежется в здание-яйцо, ну в Кокон, как вы все его называете. Голубое стеклянное яйцо раскалывается на две части, и из него начинает медленно вытекать поток огненной лавы – это гнев заточённых в синдзюк-

²⁶ Финансовый и учебный год в Японии начинается 1 апреля. Именно 1 апреля на работу выходят выпускники ВУЗов. В Токио сакура цветет в конце марта – начале апреля.

ских небоскрёбах рабов рвётся наружу. Огромная волна растекается по городу, как большой блин по сковородке, а у тебя места в первом ряду, и ты во все глаза следишь за этим нереальным зрелищем. Поезд мчится навстречу потоку лавы, пока волна не сшибает его с рельсов и не превращает пассажиров в полыхающий сгусток тел, надежд и страхов. А за секунду до столкновения, в адской жаре, когда твоему мозгу приходится изрядно напрягаться, чтобы родить хоть какие-то нейронные цепочки, ты ловишь себя на мысли, что метеорит – это мессия, ниспосланный свыше, чтобы спасти тебя, и ты застываешь в лаве на веки вечные с довольной улыбкой на лице, такой, какая была у тебя лишь пару раз в глубоком детстве: когда твоя любимая команда по футболу выиграла национальный чемпионат, или когда отец в первый раз в жизни позволил тебе сесть за руль его «Тойоты».

– У него был «Ниссан», и я больше загонялся по бейсболу.

– Неважно, ты меня понял.

– Кира, ты ждешь метеорит?

– А ты нет? – Я всё же перевернулась на бок и внимательно посмотрела ему в глаза.

Они были красные, точь-в-точь как поток лавы, что рисовало моё больное воображение практически каждое январское утро. Платон страдал от бессонницы уже второй месяц. Усилием воли он слез с антидепрессантов, прописанных психотерапевтом, и теперь не мог спать. Спустя полгода после устройства на новую работу у Платона началась мания преследования, ему казалось, что все в офисе постоянно его обсуждают. Не удивлюсь, если это были не глюки, а правда, но как бы то ни было, таблетки рождали море побочных эффектов – так много, что о полноценной жизни не могло быть и речи. В один прекрасный день Платон выкинул в урну банку с пилюлями, твёрдо решив бороться с недугом своими силами. Он лишь изредка призывал на помощь богатырскую силу Чёрного Никки, то ли пирата, то ли купца, изображённого на бутылке самого дешёвого японского виски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.